

ЗУБЕИР ТУРКИ

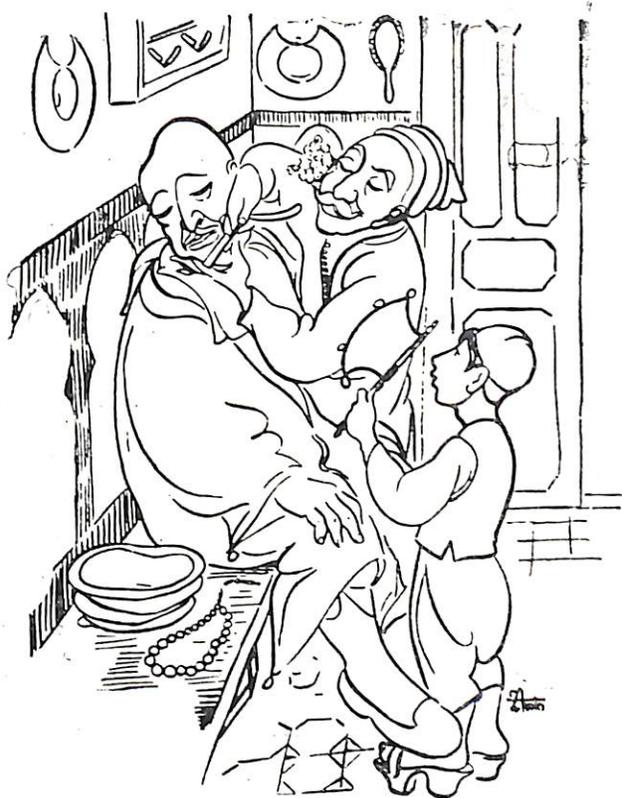
ТУНИС, как и все современные арабские города, полон самых невероятных контрастов. Целые века разделяют, например, идущих рядом мать, облаченную в национальную меллия, и дочь в мини-юбке. Сам город меняется с невероятной быстротой. Рушатся его крепостные стены, сносятся кварталы грязных лачуг, старые кладбища превращаются в городские сады. Подвергаются пересмотру нравы и обычаи предков. Создается новый быт, новая психология людей.

Вполне понятно стремление художника запечатлеть образы старого уклада жизни до того, как они совсем исчезнут.

Так появилась книга тунисского художника Зубеира Турки «Тунис вчера и сегодня».

Зубеир Турки родился в 1924 году. В 18 лет он поступил в училище изобразительных искусств. Его детство и юность прошли в родном Тунисе, в среде, наложившей неизгладимый отпечаток на его творческое лицо. Затем долгие годы он провел в совершенно другой обстановке — в Швеции. Живя там своим искусством, Зубеир Турки рисовал еловые и березовые леса, строгие города, краснощеких девочек со светлыми косичками. Но воспоминания о родине, яркие пейзажи Средиземноморья, извилистые, шумные улицы Туниса, торговцы фруктами и тканями, мужчины, играющие в шахматы в тени уличного кафе, народные сценки, изображаемые в самых глубоких восточных традициях, — все это существовало в его творчестве всегда. Он по памяти восстанавливал образы своей юности и, когда в 1959 году вернулся на родину, впечатления прежних лет проснулись в нем с новой силой.

Книга «Тунис вчера и сегодня» является ценным документом о традициях и фольклоре тунисского народа. Зубеир Турки выступает как великолепный знаток человеческих характеров, сформированных средой и ремеслом. Каждый рисунок он сопровождает небольшим пояснительным текстом. Так карандаш и перо художника и писателя, шутливые и лирические, стремятся при помощи слов и линий достичь одной цели — правдивого отображения окружающей жизни.

БРАДОБРЕЙ

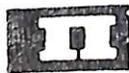
У ЛЮДЕЙ с достатком раньше было принято ходить к брадобрею раз в неделю. Брадобрей — это гораздо больше, чем какой-нибудь «поставщик», это старый друг — еще в детстве с ним вместе ходят в школу, — это сосед, доверенное лицо, оракул, собеседник, это говорящая газета, это развлечение и поддержка. Клиентом брадобрея становятся на всю жизнь, на хорошие и плохие времена, и пользы ради — быть хорошо побритым, и ради удовольствия — поболтать всласть.

Ученик брадобрея обмахивает клиента веером, как в сказках слуги обмахивают султана опахалом. Он охраняет его от укусов мух, от ожогов раскаленного воздуха. По мере того как процедура приближается к концу, он работает веером все усерднее, чтобы клиент не устал (и чтобы получить хорошие чаевые). Тем временем брадобрей поддерживает разговор. Искусством занимать клиента он владеет так же прекрасно, как бритвой.

Рассказывают, что однажды брадобрей бея спросил у него между двумя прикосновениями бритвы: «Почему это вы, бей, не отдаете своих дочек в жены нам, брадобреям?». Бей, следивший уголком глаза за острым лезвием, осторожно сказал: «Но они же никогда нас об этом не просили!». Брадобрей ничего не ответил. Когда бей был побрит, он поднялся, улыбнулся брадобрею и отдал своим стражникам приказ повесить его.

Это сказка. Теперь брадобреев не вешают, а вот язык у них и в наши дни хорошо подвешен, это да!

БРАНСИ

ПОРА его славы миновала. Как и другие ремесленники старых, традиционных корпораций, бранси — традиционный портной — видит, что день ото дня исчезает его клиентура и заказов становится все меньше. Ему предпочитают европейского портного с Карфагенского авеню или авеню Бургибы. Сын бранси уже не сядет, скрестив ноги, там, где сидел его отец. Он забудет секреты бурнуса и искусство кроить джебба. Он научится шить куртки с модными отворотами и тергалевые немнущиеся брюки. А сам бранси останется в своей опустевшей лавке один, с неизменным букетиком жасмина за ухом, работая иглой над бурнусом из тонкой шерсти или шелковым джебба. Щегол в клетке составит ему компанию до того последнего часа, когда бранси закроет свою лавку, утешаясь лишь мыслью, что он последний бранси в мире, в котором люди больше не умеют хорошо одеваться и забыли дорогу к тому, кто наряжал их, как принцев. Куда мы идем, бог мой, куда мы идем?

Мы больше не ходим к бранси. Грустно, но это так.

УЛИЧНЫЙ РАССКАЗЧИК

ОНОГРАФ и радио низвергли его с трона. В каждом кафе теперь есть приемник или проигрыватель. А ведь уличный рассказчик был долгое время граммофоном бедняка, царем ночных бдений.

Едва он усаживался на свой высокий стул, водворялась полная тишина. Слышно было, как муха пролетит. Его голос в волнующих эпизодах понижался, понижался, становился таким тихим, что нужно было вытягивать шею и напрягать слух, чтобы расслышать шаги прекрасной рабыни, переступающей через тело спящего султана и крадущейся в ночи на свидание со своим возлюбленным...

А потом вдруг тот же голос становился громовым, и вы слышали, как ржут кони на поле боя, слышали лязг сабель, выхватываемых из ножен, глухой стук падающих на землю отрубленных голов. Наш рассказчик мчится галопом, рассекает воздух свистящей саблей, рычит от гнева, колет и рубит налево и направо; он великолепен, он страшен, он — победитель!

Рассказчик превосходно владеет искусством прерывать повествование на самом интересном месте. Продолжение завтра... Слушатели расходятся, очарованные, гадая, чем кончится дело.

Говорят, один добрый обыватель полночи не смыкал глаз от беспокойства за судьбу Антара, покинутого рассказчиком с цепями на руках среди смертельных врагов. Не выдержав, он поднялся и отправился к рассказчику, и тому пришлось спросонья повествовать об освобождении героя. Только после этого добрый обыватель снова лег в постель и заснул наконец сном праведника.

ШАХМАТЫ

ИГРА? Нет, дело серьезнее. Искусство? Может быть. Наука? Почти. Шахматы — это гораздо больше, чем просто шахматы. В них не играют для развлечения. В них играют, чтобы отличиться. Для этого необходимы свободное время, смекалка, умение рассуждать. Невесть кто не играет в шахматы, и в них не играют кое-как. Нужно иметь время: быть на пенсии или состоять шейхом Большой мечети. Любитель шахмат сознает, что ведет «игру царей». Он не опустится до игры в карты — этого вульгарного развлечения, до игры в домино — этого легкого времяпрепровождения. Он разборчив в выборе партнеров и собеседников.

Шахматы — это развлечение мудрецов и игра, превосходящая все игры.

Перевела с французского
Н. Шапошникова

Рассказы
индийских
писателей

СПРАВКА ОТ ВСЕВЫШНЕГО

РАДХА КРИШАН

СНАЧАЛА Випин не поверил, что ему явился сам Всевышний. Но когда тот начал показывать свои удивительные фокусы, сомнения рассеялись: да, перед ним не кто иной, как создатель вселенной.

Всевышний начал с того, что капнул в гору капельку воды, затем извлек ее с другой стороны и утопил в ней гору. Потом зверям приказал летать по воздуху, а птиц превратил в крокодилов.

Випин застыл, пораженный.

— Да вы мастер на все руки! — воскликнул он.

Всевышний самодовольно усмехнулся.

— Это еще что! — сказал он. — Смотри другой фокус.

С этими словами Всевышний сделал из одежды гороховую похлебку, а из рупий — маринад. Потом появился перед Випином в образе четверорукого Шивы¹ и, ухмыльнувшись, спросил: «Ну как, красиво?»

— Ни-ничего, — с трудом выдавил Випин, со страхом глядя на многорукую богиню.

— А теперь, сын мой, проси что хочешь, — растрогался Всевышний.

— Даже и не знаю, что попросить у вашей милости, — смутился

Випин. — Вы настолько всемогущи и велики! Да разве опишешь все ваши чудеса!

— Верно, — скромно согласился Всевышний, — мои чудеса воистину необъятны. Все эти физики и химии — ничто по сравнению с моими фокусами. Ну ладно, давай побыстрее говори, что тебе надо, а то мне некогда.

— Хочу попросить у вас... — робко начал Випин, почесывая затылок. — В общем, плохо нынче с работой, прямо скажу, безнадежно. Вот если бы вы похлопотали за меня...

— А какую работу ты хотел бы иметь? — перебил его Всевышний.

Випин умоляюще сложил руки:

— О милосердный! В муниципалитете нашего города есть одно свободное место. Только время сейчас такое, что без знакомства нигде не устроишься. Но если бы вы поговорили с господином главным инспектором по сбору налогов, то...

— Не дело глаголешь, сын мой! — разгневался Всевышний. — Или ты не зришь разницу между мной и... как его... инспектором? Да если я пожелаю, то этих инспекторов, секретарей да контор всяких сколько хочешь сотворю. Нет, я с твоим инспектором говорить не стану.

— Как же быть, о всемогущий? — отчаялся Випин. — Может,

вы мне тогда какую-нибудь справку дадите? Разве кто посмеет не принять меня с вашей справкой? Уж сделайте такую божескую милость!..

Предложение Випина пришлось Всевышнему по душе, и он написал ему справку:

«Я, Всевышний, знаю Випина Варму задолго до его рождения. Человек он работающий. В голове его есть знания, а в теле — сила. Поэтому с уверенностью рекомендую его на должность чиновника по сбору налогов. И хотя на этом месте ни ума, ни способностей не требуется, тем не менее пускай там служит. Аминь».

Всевышний поставил внизу подпись и, вручая справку Випину, сказал «Вот тебе, сын мой, справка. Иди и определяйся на место».

Когда Випин предъявил справку главному инспектору по сбору налогов, тот даже дар речи потерял от изумления.

— Д-да ты, видать, богач, человек со связями! — заикаясь говорил он наконец. — От самого Всевышнего справку добыл! Ты представляешь, сколько за нее можно получить денег, если продать ее в Британский музей? А впрочем, нет, нужно быть патриотом своей страны. Вот что, продай-ка ты эту справку в Национальный индийский музей.

— Сахиб, — нерешительно перебил его Випин. — А как же насчет места?

— Ах да, насчет места, — проворчал чиновник. — Здесь действительно написано насчет места. Вот только одно меня смущает: действительна ли справка от нашего всемогущего создателя при приеме на государственную службу?

Главный инспектор закрыл глаза и погрузился в сложный анализ конституционных законов.

— Сахиб, если любая справка имеет силу, то о справке Всевышнего и говорить не приходится, — робко напомнил ему Випин.

— Так-то оно так, — задумчиво произнес главный инспектор. — А ты можешь сказать, где родился Всевышний, где его постоянное местожительство? В Индии или в Пакистане?

— Трудно сказать, — смутился Випин. — Наверно, он живет и там и там. Вообще говорят, что он во всем мире живет.

— Это слишком общий ответ, — возразил главный инспектор. —

¹ Шива — бог-разрушитель в индийской мифологии.